

М.Р. Казиты

ШОТА РУСТАВЕЛИ, СОСЛАН ЦАРАЗОН, ИУАНЕ ГАБАРАТЫ: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА «ВЕПХИСТКАОСАНИ» И «АЛГУЗИАНИ»

М.Р. Казиты*

Аннотация. На основе обширного литературоведческого, литературно-критического и исторического материала рассматривается вопрос авторства известной грузиноязычной «Поэмы об Алгузе» (впервые – 1885), традиционно приписываемой осетинскому просветителю Иуане Габараеву-Ялгузидзе (1775–1830); проводится общее сопоставление «Поэмы об Алгузе» и «Витязя в барсовой шкуре»; выдвигается предположение о том, что обе поэмы принадлежат перу Сослана-Давида Царазона (?–1207).

Ключевые слова: Шота Руставели, Иуане Габараты-Ялгузидзе, Сослан Царазон, «Поэма об Алгузе», «Витязь в барсовой шкуре», Осетия, Грузия.

1. Мудрость народная безгранична. Вот и у нас, осетин, опираясь на многовековой жизненный опыт, говорят: «Если Богу угодно будет одарить тебя, то и в дымоходную трубу подаст»...

С нашими соседями, грузинами, мы, вопреки идеологическим «суевериям», никогда не были «не разлей вода» [16, с. 353]. Справедливости ради нужно отметить, что иногда этому способствовали и перебежавшие от нас изменники: «Достигнув Рока, Виршел остановился, так как войско не смогло двинуться из-за тяжести захваченной добычи. Нижние же горцы направились к царскому стану. В том месте воины Виршела захватили 16 человек, и они показали им многие спрятанные клады, которые не могли обнаружить царские войска. На второй день Виршел предстал перед царем Георгием, обрадовался царь и подарил ему из захваченной добычи шесть вьюков драгоценной ткани, 200 коров, 100 лошадей, 500 овец, 36 больших котлов» [13, с. 67]. Юрий Гаглойти с удивлением и сомнением отмечает, что если их историк не преувеличивает добычу, то нетрудно представить, какими богатствами владели наши предки [13, с. 206]. Недаром же грузины указывали нашим врагам дороги к нашим селениям: «Во время похода персидского шаха Аббаса в Восточную Грузию (в 1614 году) шах прибыл в Никози и оттуда послал отряды разорять Осетию» [13, с. 68].

Но и мы не дремали, как могли, расплачивались с ними: случалось, что даже именитых их алдаров похищали и держали в плену: «В июле 1786 года я, имеретинский князь Давид Эристави Рачинский, был направлен царем Имеретии Давидом к царю Грузии Ираклию, чтобы привезти в Имеретию сына Арчила для примирения. Возвращаясь обратно в Имеретию, на границе достиг грузинского села Авневи. В ту ночь на нас напали осетины, было их 50 человек. Там я попал в плен» [34]. История знает много подобных примеров.

Но все равно судьба распорядилась так, что быть нам соседями. Известный грузинский просветитель, детский писатель Яков Гогешвили справедливо отмечал, что «часто именитые осетины и наши цари роднились» [15, с. 541]. Хотя не всегда

обходилось без хитростей и коварства со стороны грузин, дружба, скрепленная родственными связями, безусловно, пускала и благодатные корни.

2. Со временем окрепшим плодом таких благодатных корней явился и Иуане Габараты. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что, учитывая культурно-просветительское положение осетин конца XVIII – начала XIX столетия, именно Иуане указал нам путь, которым мы поднимались из темноты к свету.

Иуане был родом из Габараты и родился, как он сам указывает, в 1775 году. «...он не говорит о том, кто он и где родился, – отмечает Л.А. Чибиров. – Позднее он написал прошение экзарху Грузинского христианства от имени не владеющего грамотой родственника, уроженца Залда, Ялгузидзе-Габараева Давида. Из этого прошения видно, что и сам Иуане был оттуда. А Залда – родина фамилии Габараевых» [49].

Сдержанно, как подобает осетину, сам Иуане рассказывает, что его, совсем еще ребенком, «забрал к себе грузинский царь Ираклий II и отдал на обучение грамоте» [15, с. 541]. То же отмечает и Л.А. Чибиров [49] и фиксирует с уточнениями Нафи Джусойты: «Это было в 1783 году, когда грузинский царь Ираклий II заключил договор в Георгиевске с русским царем о его высоком покровительстве над Грузией» [18, с. 32]. Так как Иуане принадлежал к знатному осетинскому роду, он, безусловно, мог находиться при царском дворе.

При дворе грузинского царя он стал известным для своего времени ученым человеком. Отлично знал осетинский, грузинский и русский языки. Работал учителем в Душети (1798–1801), потом в Тифлисе в духовной семинарии, где обучал слушателей (учащихся) языкам. При этом Иуане старался, чтобы мальчики из осетинских семей получали хорошие знания. «Так, у него жили и учились три мальчика. После окончания обучения они были направлены в осетинские села – Нузал, Нар и Джинат» [18, с. 33].

Иуане был известным человеком. Эта известность и хорошее знание языков особо пригодились

* Казиты (Казиев) Мелитон Резоевич – к. филол. н., доцент кафедры осетинской литературы ЮОГУ им. А. Тибилова, сопредседатель Союза писателей Осетии (g.dzebyson@mail.ru).

после 1801 года, когда Грузия добровольно присоединилась к России. В те времена Иуане Габараты работал при военно-гражданском ведомстве и чем мог помогал осетинскому народу, в меру сил защищая его права.

Но самой востребованной для осетинского народа была его просветительская работа. По имеющимся на сегодняшний день сведениям, Иуане первый начал работать над созданием осетинской азбуки. Об истории нашей письменности идет много дебатов. В этой связи следует иметь в виду свидетельство V в. о том, что «из 73 самых почитаемых в мире народов грамотой владеют... ассирийцы, евреи, вавилоны, персы, эламиты, греки, хинди, финики, ионы, аморы, аланы, римляне, армяне, тао, грузины» [9, с. 303]. И это, естественно, далеко не единственное подтверждение существования аланской письменности.

Иуане и сам с удовлетворением отмечает в Предисловии к своему переводу текстов священного писания: «...надеясь на свои скудные познания, я попробовал создать книгу на осетинском языке. И написал книгу, которая называется по-грузински "сахареба", т. е. радостная, благая весть. Работал я над ней три года и днем, и ночью: начал в 1820 году 15 ноября в Грузии, в экзархате митрополита Теофилакта и закончил 25 мая 1823 года в Грузии, в экзархате Иопа. Я, не жалея себя, постарался, насколько мне позволили мои возможности, чтобы вы, мои соплеменники осетины, не были обделены такой благодати» [3, с. 44]. Так несколькими предложениями Иуане выразил свое отношение и к книге, и к просвещению, и к родному народу.

Своей главной миссией он считал распространение и утверждение христианства среди осетин. И, чтобы новая вера народом принималась и утверждалась быстрее, нужно было объяснять все на родном им осетинском языке. «Экзарх знал, что Иуане владеет языками, потому и поручил ему перевести основные молитвы с грузинского языка на осетинский. Иуане потрудился добросовестно. И появились на осетинском языке утренние и вечерние молитвы, краткий катехизис, литургия, евангелие и т. д.» [49], – отмечает Л.А. Чибиров. Но, так как в осетинском языке звуков больше, чем в грузинском, Иуане составил свой алфавит. Из тех 37 букв, из которых состоял его алфавит, 30 были грузинские буквы, 2 – русские, а 5 он придумал сам. Так увидела свет пока наша первая осетинская книга. Появление других церковных книг, переведенных Иуане с других языков на осетинский, также благотворно отразилось на становление осетинской письменности.

Причину того, почему Иуане считал себя Ялгузидзе¹, Александр Тиболов объяснял тем, что Иуане относил себя, как и представители ряда других фамилий Южной Осетии, к потомкам Алгуза [43, с. 136]. Только Иуане по-грузински свою фамилию писал не Ялгузидзе, а Иалгузидзе.

То, что наши соседи к осетинским фамилиям прибавляли свои окончания, всем известно. В про-

шлом, бывало, мы тоже грузинские фамилии производили и писали (да и сейчас это случается) на свой лад: «Без боя не сдались жители Чеселты. К тому же еще удержали заложником Елизбара Мацабелты. Отпрыски Мацабелты и Бектабегты с отрядом солдат дошли до самого Хуыце навстречу казакам, но осетины преградили им путь и выпроводили их обратно 8 сентября 1804 года»; «В кровавых потоках потопил отпрыск Цициты защитников Южной Осетии» [43, с. 277–279] и т. п.

Осетинский народ давно понял и до сих пор помнит заслуги Иуане, который, как писал Александр Тиболов, «остерегал осетинский народ от столкновений и войны с пришедшими русскими, был ходком от представителей русского царя к осетинскому народу. У него болело сердце за свой народ, и он старался уберечь его от беды» [43, с. 137].

Заслуги Иуане перед осетинским народом велики. Настолько велики, что недавно, в апреле-мае 2015 года, благодаря телеканалу «Алания» телезрители ознакомились с мнениями некоторых наших известных представителей интеллигенции, где один из них заключил, что, если бы не Иуане, половины Южной Осетии сейчас не было бы. Другому участнику передачи, наверное, захотелось превзойти первого, и он заявил, что не то что половины, но и вообще бы на земле не было Южной Осетии, что Иуане спас осетинский народ от полного уничтожения. В указанный период подобные «декларации» прозвучали на канале «Алания» не менее 4-5 раз, и они не делают чести ни Иуане, ни его соплеменникам.

Человек должен быть сдержан в своих высказываниях, – и пример тому показал сам Иуане. Не нужно поддаваться соблазну возносить до небес того, кого хвалим, и опускать ниже грязи того, кого судим. Не Южной Осетии не было бы без Иуане, а Иуане не было бы без Южной Осетии. И.С. Хугаев верно говорит: «Народ – Сверхличность. Если русский народ больше Толстого, Достоевского и Пушкина (как писал М. Горький. – *М.К.*), то и осетинский – больше Коста, больше Васо, больше Нафи» [47, с. 73]. Это относится и к Иуане Габараты, при том что, конечно, он был мудрым и достойнейшим соотечественником и нашим первым просветителем.

Людвиг Алексеевич Чибиров, наш крупный историк и первый президент РЮО, тоже делает, как нам кажется, несколько противоречивый вывод о том, что «основоположником осетинской литературы был Иуане» [49]. Нелишне поинтересоваться в таком случае, основоположником какой литературы был Коста Хетагуров? Думается, что на чужом языке можно писать произведения литературы, но положить тем самым основу национальной литературе невозможно. Если принять положение о существовании «русскоязычной осетинской национальной литературы» [46], то следует, вероятно, различать и грузиноязычную ветвь нашей литературы – «коротенькую, опаленную предательским пожаром» [47, с. 73].

¹ «Ялгузидзе» – это уже результат одновременно грузификации и русификации.

У нас нет и не могло быть фотографии Иуане (только его словесный портрет, как, например, у Нафи Джусойты в романе «Кровь предков»: «Стройный мужчина, худощавого сложения...» [19, с. 120]), но не следует искажать его нравственный облик, который куда дороже любых изображений. А этот облик сохранен в отношении самих осетин к Иуане. По А.А. Тибилу, в 1802 году полковник Симонович писал генералу Лазареву, что «осетинский народ бесконечно доверяют Иуане, так как он спокойный и правдивый человек, да и языком их владеет в совершенстве» [43, с. 137]. Дальше мы узнаем о том, как полковник Симонович отправил Иуане вместе с Елизбаром Мачабелты послами в ущелье Чеселт для успокоения народных волнений. «Жители Чеселт настолько обозлены были на представителей царского самодержавия, что Елизбара они взяли заложником, а Иуане проводили с почестями. В 1802 году осетинский народ сам просил у руководства Грузии, чтобы назначили Иуане управляющим: они были уверены, что он их сможет защитить от несправедливой кары. В то время, когда никто из представителей самодержавного царя и их сторонников не мог без опасений передвигаться по Южной Осетии, для Иуане дороги были открыты вплоть до ущелья Нар» [2].

Но все эти вопросы – из области другой проблемы. Они тоже заслуживают специального анализа, хотя многое уже сделано и обобщено, в том числе и в последнее время [29]. Мы же хотим рассмотреть вопрос о лироэпическом произведении, вышедшем в 1885 году в печати со многими ошибками и искажениями на грузинском языке, – о «Поэме об Алгузе» и проблему ее авторства.

3. В «Поэме об Алгузе» рассказывается, что сын греческого царя Августа отважный Алгуз влюбился в дочь дагестанского алдара Кесар-хана Этер. Но Кесар-хан не был христианином, потому царь Август резко отверг желание сына. В доказательство твердости своего решения он лишил Алгуза права наследования престола, провозгласив наследником младшего своего сына. Тогда Алгуз покинул родину, перешел горы, похитил Этер, разбил погоню. Затем покорила адыгов и Кабарду и стал их царем. Чеченский царь Кайран надомил царя Нон и Калмыкии Аманухея, чтобы он отбил красавицу-жену Алгуза Этер, но огромная армия его была разгромлена, а сам Аманухей убит Алгузом. И Кайран нашел свою смерть от руки Алгуза. В Чечне Алгуз назначил наместником своего визиря Бибора. По возвращении в свое царство в Адыгею Алгуз застал там беглеца из Грузии князя Аслана Гемрекели. По мнению Всеволода Миллера, Гемрекели был представителем грузинской знати [36, с. 93]. Князь Гемрекели утверждал, что его хочет убить царь Амоса-

ра (Абхазии) Алискантер. Алгуз приютил беглеца.

«Недовольный абхазским царем, – пишет Гаппо Баев, – он (Аслан Гемрекели. – *М. К.*) переходит на службу к Алгузу. Такой переход родовитых и сильных людей был весьма распространен в старину среди народов Кавказа» [4, с. 23–24]. Но, в конце концов, Гемрекели не сдержал свое слово – он предает Алгуза, нанимает убийц, и они убивают его, когда тот спал. Очевидно, это не случайный художественный поворот, а опосредованное выражение этноментальных представлений и характеристик.

В книге Захария Чичинадзе «История Осетии», вышедшей в печати в 1913 году, есть портрет Алгуза-Ос-Багатара как осетинского богатыря. Указывается, что жил он в XIII веке в эпоху монголов (заметим наперед, что Иуане Габараты жил в конце XVIII – начале XIX века). Был Алгуз, говорится в книге, сильным, богатырского сложения. Имя его связывается с «Поэмой об Алгузе» и фамилией Алгузата, проживавшей в Гори. Данные якобы потеряны или украдены из Нузальской церкви [17, с. 145].

Когда Сослан Царазон, держа в одной руке меч, а в другой – перо, создавал Грузии государство и литературу, когда в его воображении возникали возвышенные поэтические образы, в их голове, обгоняя друг друга, появлялись коварные мысли. У Сослана много было завидных качеств. «...был в Грузии сын осетинского царя, воспитанный царицей Русудан, юноша прекрасный по наружности, как подобает царским детям. И в других отношениях тоже: в смысле воспитания – хорошо воспитанный, мужественный, воин могущественный, рыцарь, не имеющий равного, как стрелок – предприимчивый, телом – мощный, совершенный во всех добродетелях. Все возымели желание соединить их с Тамар, и дело доверили Богу. Тамар тоже покорила их воле, так как знала юношу» [5, с. 121–122], – писал историк Тамары Басили.

Шамиль Джикаев с чувством глубокой досады отмечал: «Из поколения в поколение они истребляют наших лучших. Хитростью убили Ос-Багатара. Спящим зарезали Алгуза. Вероломно отправили на тот свет своего благодетеля – Сослана Царазона. Используя коварство, они натравили друг на друга спасителя своего Гоци² и его друзей. Ядом отравили защитника их интересов Афако Гасситы (Афанасия Гассиева. – *М. К.*) Расстреляли тринадцать коммунаров. Нет счета их злодеяниям»³ [20]. Яркой иллюстрацией сказанному является и пример клятв-вопреступления Аслана Гемрекели.

4. Читая «Поэму об Алгузе», чувствуешь себя лирическим героем оригинального стихотворения ее переводчика, Георгия Бестауты, «Весенний вечер»: созерцая привычный, в общем, городской пейзаж, он вдруг примечает, обоняет и чувствует древнюю

² Гоци – осетин-горец, за честь и славу Грузии вступил в единоборство с персидским богатырем и в честной схватке сразил его [45, с. 2].

³ Думается, что, помимо прочего, именно такого рода обстоятельства позволяют нашим ученым утверждать, что «наличный грузино-осетинский конфликт» имеет «не столько конъюнктурно-политические основания, (...) сколько историко-культурологические»; что эти факты обуславливают «реакцию отторжения осетин, преобразуя по известным законам психологии комплекс вины в комплекс агрессивной спеси» [21].

метафизическую первооснову бытия и «верит, как ребенок, что густая волна темноты полна света» [6, с. 16]. (Подстрочный перевод).

Ни в жизни, ни в искусстве ничего случайного не бывает. «Поэма об Алгузе» с начала до конца притягивает читателя к себе, словно магнит, словно тайна.

Феликс Кузнецов, мастер русской литературной критики, думая о значении художественной литературы, отмечал: «Кровная сопричастность к жизни народа – такова мера подлинного таланта, мера нравственного достоинства литературы» [25, с. 191]. Это относится и к этому от души написанному поэтическому произведению.

Поэма об Алгузе соткана из первозданной народной души. Не зря содержание и поэтика «Поэмы об Алгузе» в свое время так заинтересовали Коста Хетагурова, что он намеревался перевести ее на осетинский язык [43, с. 137], и только его болезнь и жизненные невзгоды не дали осуществиться этому желанию.

Обилие ярких художественно-образительных средств, мудрые афоризмы, отблеск описываемых событий, образы ее настолько интересны, что не дают возможности оставить чтение. Произведение больше всего привлекает словом, правдивым и прямым, как стрела, звенящим ритмом и мудростью мыслей. С первых строк она привлекает любого требовательного и капризного читателя: *«Слава Тебе, Боже. Не постичь Тебя умом. // Слова, Тебя достойные, где взять? Ты извечен, вознесен... // В ипостасях трех – Твой образ: – Отче, Сын – Твое дитя // И святой Дух – горный, ясный. Триединен Ты и свят. // Ты – создатель жизни мира, жизнь вдохнул Ты в белый свет. // Ты – извечен и всевечен, при Тебе бессильна смерть. // Ты в сердцах людей читаешь, пред Тобой они везде. // Вседержитель всей Вселенной, справедливости венец. // О, исток правдивой дружбы, Ты – прибежище в беде, // В покаянье грех прощаешь, чистоту дая душе. // Отче! Человеколюбец, в небесах и на земле, // И заблудшим овцам грешным чистит душу Твой елей»* [49, с. 112]. (Перевод Риммы Сотиевой.)

При чтении текста поэмы, от слова к слову, от строки к строке, от строфы к строфе взглядом бежишь вниз, а душу возносят все выше и выше, как по живописным резным ступенькам, ее слог, ее ритм, ее образы, ее сюжет... «Издалека, сквозь века из неизведанных теснин, громыхая, пробивается, словно горная река. Слушаешь волшебные звуки поэмы, и слышится тебе перезвон тяжелого меча об стальные доспехи, цокот копыт буйных коней и видишь летящие из-под их копыт искры» [7, с. 170], – в состоянии восторга и восхищения поэтикой поэмы писал корифей осетинской поэзии и несравненный переводчик Георгий Бестауты. С глубоким удовлетворением он заключил, что «несмотря на то, что поэма написана на грузинском языке, в ней чувствуется осетинский национальный колорит и от начала до конца является апологией нашего народа» [9, с. 311].

Что «Поэма об Алгузе» написана осетином, впервые отметили, как указывал Нафи Джусойты, сами историки грузинской литературы, в частности, об этом писал Корнели Кекелидзе. Удивляет только то, как они могли в этом признаться? Как правило, действие грузинской интеллигенции бывает направлено, наоборот, на присвоение себе чужих достояний. Так, они себе приписали ингушскую национальную танцевальную мелодию, когда состоялась депортация ингушского народа, и переименовали ее в «Хиускую песню» и этим прикрыли свою кражу (плагиат). Пробовали и мелодию осетинского массового танца «Симд» прибрать к рукам, но у них ничего не получилось. Как же тогда они расщедрились относительно «Поэмы об Алгузе»? Есть тому, по Нафи Джусойты, две причины. Во-первых, при всех ее художественных достоинствах, «Алгузиани» формально-тематически дублировала бы ряд других текстов, и не обогатила бы сколько-нибудь принципиально грузинскую поэтическую традицию. Во-вторых – и это главное – в поэме настолько ярко и сильно выражена «осетинская тенденция» (термин Кекелидзе), что завуалировать ее совершенно невозможно. Как бы ни старались обосновать ее грузинскую этнокультурную идентичность, все равно видно, что автор осетин (не зря наши предки считали эту поэму нашей письменной историей). Поэтому волей-неволей признались в том, что поэма написана осетином [18, с. 36].

Чудеса и только. Когда хорошего было много? Хорошее всегда пригодится, как бы много его ни было. И разбрасываться хорошим может только глупец. Следовательно, на наш взгляд, причина кроется в чем-то другом.

Сколько бы тучи ни заслоняли солнце, лучи его рано или поздно все равно пробьются. Эта удивительная поэма – словно бриллиант в нашей художественной литературе и истории нашей. Если бы это было не так, в XIX веке ее не выкрали бы из Нузальской церкви представители большого собора Мцхета – Русишвили и его «коллега» Бакутов Иоанн, прибывшие из Тбилиси в качестве ревизоров.

Впервые известная на сегодня часть «Поэмы об Алгузе» («Алгузиани»), по словам известного грузинского ученого осетинского происхождения Моисея Джанашвили, «с грубыми и непростительными ошибками» при содействии Н. Гамрекели увидела свет в 1885 году [35, с. 89]. Второй раз – в 1897 году ее опубликовал сам Джанашвили в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», в его XXII томе на русском языке с комментариями [23, с. 8–9].

Солнце вырвалось из плена туч. И сын упомянутого выше Иоанна Русишвили Георгий после смерти своего отца вспоминал о рукописи книги: «Была большая книга: длиной в 30 сантиметров, шириной – 27 сантиметров и толщиной – 22 сантиметра... Была написана на бумаге (действительно ли на бумаге была написана, или этим тоже обманывают честной народ? – *М.К.*). Красками были изображены Бежан, Багатар, Алгузон со своими воинами.

А название книги звучало так: Алгузон – Русиани – Чараджон – Чахилани» (на самом деле книга называлась «Агустин – Алгъузон – Русиан – Чаразон – Цъахилон» / «Ahustian – Alhuzian – Rusian – Carazon – Saxiloni». – **М.К.**) Еще одна книга, написанная на страницах выделанной кожи для письма, два легких ружья и одна сабля появились в нашем доме после той ревизии» [39].

Вот вам и ревизоры! И если служители церкви позволяли себе такое потребительское отношение к реликвиям, то что могли творить другие – их настоящие воры и головорезы?..

Да, но все-таки, куда могли деться другие части книги?⁴ Куда, собственно говоря, делась наша история, в которой было немало таких вождей, как Алгуз, и которая, по Георгию Бестаути, благодаря которому по-осетински заговорил дошедший до нас отрывок из поэмы, была «с незапамятных времен охвачена пламенем войн. И войны эти бывали в основном справедливыми, за свободу и независимость. То же самое и в «Поэме об Алгузе» [7, с. 44].

Интересно бы было узнать, что о нас, о нашем Отечестве говорилось в других частях книги. Или – о чем была другая, скрытая книга, написанная на обработанной для письма коже, о которой рассказывал Григорий. Но эти вопросы почему-то недостаточно нас интересуют. Более того, мы иногда выказываем даже благодарное удивление тому, что они были так щедры, отдавая «Поэму об Алгузе», хотя бы и в таком состоянии. Нет, не от чистого сердца они это сделали. Случайно, по их неосмотрительности просочился, именно просочился текст поэмы в печать.

Гаппо Баев, когда издавал ее на русском языке в Германии, говорил: «В Нузале века хранилась (! – **М.К.**) старинная грамота рода Царазоновых,⁵ писанная на древнегрузинском языке, с изображением древних фамильных вождей. Из поколения в поколение она передавалась как святыня: потомки осетин, загнанных монголами в дикие тущобы нагорного Кавказа, смутно догадывались о содержании этой грамоты – могучей песни о великой жизни их предков на тучных равнинах Северного Кавказа. В середине 19-го века эту загадочную грамоту, поэму «Песнь об Алгузе» увез из Нузала местный священник-грузин в Грузию. От него она проникла в печать и в собрание рукописей Грузинского общества грамотности (№ 541)» [4, с. 20]. Следовательно, это не жест доброй воли, а нелепая неосторожность. Эта мысль подтверждается и Вс. Миллером: он употребляет глагол «проникла» [35, с. 89] (в печать. – **М.К.**). Обратим внимание: никто не обвиняет наших «оппонентов» в покраже. Но ведь, очевидно, церковные реликвии, грамоты, книги, тем более имеющие историческое значение, не так легко можно было изымать и увозить. Прямо из церкви... Как бы то ни было, бесследно исчезла книга, которая за-

долго до рождения Иуане Габараты (века! – **М.К.**) хранилась в Нузальской церкви.

Мы не должны забывать и о том, насколько Моисей Джанашвили был грузин по крови, и почему он напечатал более полный вариант поэмы. Откуда он его взял и куда дел после этого? Здесь есть над чем задуматься, при этом, конечно, отбросив все предрассудки и пристрастия, даже законные. Возможно, Джанашвили озарила мысль правды? – тогда это подсказка нам: тогда и нам эта мысль может открыться. Во всяком случае, Гаппо Баев лишней раз указывал: «Историографом Осетии является маститый грузинский ученый Моисей Джанашвили, директор ценного Церковного музея Грузии в Тифлисе» [4, с. 89].

Пропала не только эта «старинная грамота». По Г.В. Баеву, «недалеко от Нузала, в глубине Цейского ущелья, в древнейшем храме Осетии «Реком» находились шлем и меч Ос-Багатара, не раз упоминаемого в летописи Грузии, а в соседнем ущелье, Дигорском, – мавзолеем царя Грузии и Осетии Сослана-Давида, мужа царицы Тамары» [4, с. 19–20]. Последний – тоже из Царазоновых!

5. Художественные повторы, подражания, плагиат не так редки были и тогда, да и сейчас. Прототипы сюжетов, образов, поэтических деталей, которые нам кажутся иногда предельно оригинальными, можно найти еще в античной литературе, и тем не менее они не перестают удивлять нас. Но против замечания Коста Хетагурова о том, что «из 100 000 писателей, возможно, только у одного может проявиться такое волшебное мастерство, что удастся спрятать авторское «Я» в своих произведениях так, чтобы не разглядел никто» [44, с. 306], возразить нельзя... Как бы то ни было, ничто не мешает нам сделать самые общие и предварительные наблюдения.

Любопытен факт, что обе поэмы – «Витязь в барсовой шкуре» и «Поэма об Алгузе» начинаются одинаково – благодарственной молитвой-обращением к Создателю, где автор... – впрочем, пока авторы – благодарят за дарованную им жизнь и блага. В «Поэме об Алгузе»: «*Слава Тебе, Боже. Не постычь Тебя умом. // Слова Тебя достойные, где взять? Ты извечен, вознесен... // В ипостасях трех – Твой образ: – Отче, Сын – Твое дитя // И святой Дух – горный, ясный. Триединен Ты и свят...*» И в «Витязе в барсовой шкуре» в переводе Шалва Нуцубидзе: «*Кто создателем вселенной был всемогущим // И с небес дыханье жизни даровал всем тварям сущим, // Одарил земным нас миром, многообразно цветущим, – // От него ж цари с их ликом, одному ему присущим*» [53, с. 15].

Несомненно также сходство в подходах к описанию событий (в том числе батальных), сюжетным решениям, к характеристике действующих лиц, в

⁴ В 1985 году Александр Биазырты сообщал, пока без ссылок на конкретные данные, что «в архивах Тбилиси есть два-три списка «Поэмы об Алгузе» [10]. Но, как нам известно, до сей поры никто не попытался найти и дать им возможность увидеть свет.

⁵ Осетины Царазоновского клана заселяют Алагирское ущелье.

первую очередь, главных героев. В «Поэме об Алгузе» образ Алгуза захватывает читателя своей отвагой, рыцарством и определенно осетинскими национальными мужскими качествами. А ведь по поэме он чужестранец, сын греческого царя Августа: «Тогда от одного великого царя Августа-Кесаря, грека // Произошли прекрасные сыновья, от этого доблестного царя: // Имя одного – Алгуз, мудрый герой по воле Самого Бога. // И другие сыновья, подобные тому же царю (по воле) Самого Бога» [24, с. 30]. (Подстрочный перевод.)

Посмотрим и поэму «Витязь в барсовой шкуре». В девятой строфе оригинала говорится: «*Ese ambavi sp'arsuli, kartulad natargmanebi, vit margalit'i oboli, xelis-xel sagogmanebi, vp'ove da leksad gardavikvi, sakme vkmen sac'oc'manebi...*» Патриотичным грузинским литераторам даже слово «персидский» оказалось неприемлемо (даже если это всего лишь художественный прием). И известный их переводчик Шалва Нуцубидзе перевел данную строфу на русский язык следующим образом: «Этот дивный сказ, что ныне переделан в песнопенья, // Что, как жемчуг самородный, возлелеют поколенья, // Я нашел и, спев стихами, создал повод для сомненья, // Дум моих царицы чары пуст восполняют украшенья» [53, с. 16].

То, что в оригинале говорится о персах, об этом благополучно было забыто, в наивной надежде на то, что никто не заметит.⁶ А вот виртуозный перевод этого текста на осетинский Георгия Бестауты: «*Ацы хорз таурæгъ – хуры къæртт – Персæй рафтыди Гуырдызмæ, // Къухæй-къухмæ йæ райсын дæр цæст куыд бауарза ныр цымæ! – // Таурæгъ кадæгæй раивтон æз тæрсгæ-ризгæ стыр зынæй. – // Уый куынæ сфауд буц рæсугъд, – армæг сырæзин фырцинæй*» [54, с. 8]. И на русский – Николая Заболоцкого: «Эта повесть, из Ирана занесенная давно, // По рукам людей катилась, как жемчужное зерно. // Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено // Ради той, из-за которой сердце горестью полно».

Упоминание о том, что поэма родилась в Персии, конечно, поэтический прием, посредством которого романтизируется и мистифицируется сюжет и расширяется хронотоп эпической поэмы. Но, как бы то ни было, соприкосновение сопоставляемых поэм в плане стилистики и художественных особенностей очевидно. Мы бы сказали, что в «Витязе в барсовой шкуре» и «Поэме об Алгузе» чувствуется одна рука.

О последней Л.Г. Лопатинский писал: «Изложение поэмы и, вообще, способ выражения не носят на себе признаков особенной древности, несмотря на все обороты, свойственные древнему грузинскому языку. Цветистый слог, богатый эпитетами и искусно подобранными сравнениями, притом украшенный блестками арабско-персидской поэзии, напоминает... в значительной степени «Барсову

Кожу» («Витязя в барсовой шкуре». – М.К.) Руставели, но зато некоторые образы, отдельные штрихи в описаниях природы, разбросанные по всей поэме, и характеристики действующих лиц сложились под влиянием уже средневековых романских элементов – генуэзских»; установлено, что «генуэзцы пользовались на берегах Черного моря самым большим влиянием в первой половине XIV в.» [4, с. 24]. Гаппо Баев подчеркивает, что Миллер относил поэму к XIV в., а по грузинологу проф. А. Хаханову, «поэма писана осетинном, начитавшимся грузинских стихотворных памятников; автор действует в интересах осетин. Поэма является подражанием «Барсовой коже» Руставели...» и состоит в близкой связи «с исторической надписью, начертанной в стихотворной форме на древнегрузинском языке в Нузальском храме, относимую к XII в.» [4, с. 25].

«Генеалогия» упомянутой здесь «исторической надписи» тоже кое-что проясняет, особенно если учесть, что наши оппоненты и сами признаются в том, что до Сослана и Тамары у них не было имени «Шота». Образовано оно из частей двух имен: Шошлан (так «с» как «ш» произносят осетины на севере Осетии, и получается «Шошлан») и Тамар: Шо + Та = ШоТа. Сказывают, что даже на документах правительственного значения они расписывались так же: «Шошлан – Тамар». И в наши дни в Ксанском ущелье есть фамилия Сотата – Шотата – Шотаевы.

К тому же в «Алгузиани» присутствует имя ее автора: «*Багатар – сын славных ясов, амосарским был царем, // Влахи, пранги и хазары чтили подвиги его. // И клялись его отвагой, славой, статной красотой, – // Так писал о Багатаре сын Сослан его родной*» [50, 113]. Возникает вопрос: о каком Сослане идет речь? Неужели великий полководец, грузинский царь Сослан Царазон имеет отношение и к этой поэме?.. И тут же на ум приходит отрывок из поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре»: «*Я, Руставели, оттого и спел искусно песнь свою, // Что я той, что правит ратью, жизнь, безумец, отдаю. // Изнемог я, но миджнуру исцеленья нет. Молю // Исцелить меня любовью иль могилу рыть мою*» [53, с. 16].

То есть, и здесь мы видим указание на авторство, но оно удивительно и даже несколько забавно. Выходит, что «Витязя в барсовой шкуре» написал некий Руставели для царицы Тамар, без которой жить не мог. Во «Вступлении» поэмы автор обращается к Сослану и Тамар, и в то же время у него у самого сердце пылает любовью к царице. В произведении об этом говорится откровенно.

Дальше – больше. Автор поэмы уже не в силах сдерживать свою страсть к царице – к чужой жене: «*Ослепленные лучами очи снова жаждут их. // Вот миджнуром стало сердце, – не пасться в полях глухих. // Кто ж заступник? Плоть сгорела. Так вели ж, чтоб дух утих! // Порывается наружу трех ладов хвалебный стих*» [53, 16].

⁶ В этой связи нелишне вспомнить, как в строках известной всем поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»: «Недолго продолжался бой: Бежали робкие грузины!» [27, с. 380] некий их литератор Гуриели Мамаи слово «грузины» с легкостью заменил словом «осетины». И, что интереснее, такой перевод вынесли и на съезд писателей.

Дикie звери терзают сердце Тариела. Сердце, которое, как вторая капля воды, похоже на сердце Сослана. Но кто мог так откровенно рисковать, признаваясь в любви к царице, тем более к жене Сослана?.. Ведь его бы тут же лишили головы. Могли «Шота» – очевидно, блестящий поэт⁷ – столь путано вести повествование? Или, может быть, наши тщеславные соседи ради того, чтобы скрыть настоящее имя автора, впрочем, как и историю свою, настолько все перемешали, что трудно уже определить, где Руставели, а где Сослан?..

Спутали они также и тигра с барсом: Тариел не снимал шкуру барса (вепхис), священного для осетин зверя, осетинского символа силы и отваги...

В 1924 году в г. Тбилиси состоялась встреча Сергея Есенина с грузинскими писателями Паоло Иашвили, Георгием Леонидзе, Николозом Мицишвили, Иванэ Кипиани и Сандро Шаншиашвили. По-

сле той встречи Сандро Шаншиашвили писал, что у них произошел спор из-за поэмы «Витязь в барсовой шкуре», и далее вспоминал: «Чтобы Есенину было понятно, говорили по-русски. Я доказывал, что Руставели является псевдонимом автора – (из Рустави) подобно тому, как если бы кто-нибудь назвал себя Мтквривтавели. Поэма «Витязь в барсовой шкуре» частично автобиографична. А автором, безусловно, была личность, которая воспитывалась вместе с Тамар – Сослан-Давид» [52, с. 61–62]. Когда Есенин прямо спросил своих собеседников о том, кто же написал поэму «Витязь в барсовой шкуре», Сандро Шаншиашвили ответил, что Давид Сослан. Тициан Табидзе и другие были недовольны им и упрекнули в том, что не стоит этого говорить. Но Сандро не изменил свое мнение и позднее так и определял авторство «Вепхисткаосани» в много-томнике своих избранных произведений.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ, 1990.
2. **Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией:** в 12 т. – Тифлис, 1866–1904. Т. 2. (1802–1806). 1868.
3. **Агъуызаты Иуане.** Разгъй дзырддæ // Авторты коллектив. Ирон литературæ. Хрестомати. 1-аг хай. – Дзæуджыхъæу, 1982.
4. **Баев Г.В.** Предисловие к Берлинскому изданию «Поэмы об Алгузе» // Поэма об Алгузе. – М., 1993.
5. **Басили.** Жизнь царя царей Тамар // Картлис Цховреба. – Тбилиси, 1959.
6. **Бестауты Г.Г.** Аеренæрд. – Цхинвал, 2003.
7. **Бестауты Г.Г.** Алгъуызы кадæг // Агъуызаты Иуане. Аемдзæвгæтæ, поэмæ «Алгъуызы кадæг» æмæ æндæр æрмæджытæ. – Цхинвал, 1988.
8. **Бестауты Г.Г.** Тæлмацагæнæгæй // Руставели Шота. Стайы цармдарæг. – Цхинвал, 1975.
9. **Бестауты Г.Г.** Уацмыстæ 3 т. Т. 3. – Дзæуджыхъæу, 2003.
10. **Биазырты А.** Кæд æмæ кæм ссардæуыди поэмæйы къуфыст? // Рæстдзинад, 2015. 18 мартæ.
11. **Булкаты М.Г.** Тæлмац кæныны хъуыддаг – хæлардзинады хид // Фидиуæг, 1986. № 11.
12. **Вяземский П.А.** Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1982.
13. **Гаглойти Ю.С.** Алано-Георгика. – Владикавказ, 2007.
14. **Гæдиаты С.К.** Рæвзæргæ уацмыстæ. – Цхинвал, 1979.
15. **Гоebaшвили Я.С.** Врата природы. – Тбилиси, 1912.
16. **Грузинская Советская Энциклопедия.** – Тбилиси, 1981.
17. **Грузинские летописцы и историки о Южной Осетии / Сост. Б. Чочиев.** – Цхинвал, 2013.
18. **Джусойты Н.Г.** Балц ирон аив дзырды дунемæ. 2 ч. 1-аг ч. – Цхинвал, 2012.
19. **Джусойты Н.Г.** Фыдæлты туг. – Цхинвал, 1965.
20. **Джыккайты Ш.Ф.** Удфидар ут. Зынтæн лæг хъæуы // Рæстдзинад, 2008. 12 августæ.
21. **Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г.** Сослан-Давид Царазон: факты и гипотезы // Дарьял, 2007. № 2. http://www.darial-online.ru/2007_2/dzidzoev.shtml
22. **Дубровин Н.Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе: в 2 т. Т. 1. – СПб., 1871.
23. **Калоты Г.** Агъуызаты Иуане // Ирон литературæ. Хрестомати: 2 х. 1-аг хай. – Дзæуджыхъæу, 1982.
24. **Поэма об Алгузе / Сост. Е.Е. Хадонов.** – М.: Мысль, 1993.
25. **Кузнецов Ф.Ф.** Беседы о литературе. – М., 1977.
26. **Картлис Цховреба.** Ч. 1. – Тбилиси, 1955.
27. **Лермонтов М.Ю.** Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – Л., 1980.
28. **Лолашвили И.** Тайна склепа Давида Сослана. – Тбилиси, 1971.
29. **Мамиева И.В.** Иван Ялгузидзе (Иуане Габараев) – предтеча горского просветительства // Вестник ВНЦ. 2018. № 3. <http://vestnik-vnc.ru/Portals/141/2018-3/vnc-2018-1-04.pdf>
30. **Маргиев А.** Мои встречи с Георгием Давидовичем Тогошвили // Сослан Давид: правда жизни осетинского царевича, мужа и соправителя царицы Тамар. – Цхинвал, 2008.
31. **Мачарадзе В.** «Описание осетинских деревень» Давида Эрстави (80-е годы XVIII в.) // Тбилиси, 1967. № 1.
32. **Миллер В.Ф.** Критика и библиография // Поэма об Алгузе. – М., 1993.
33. **Миллер В.Ф.** Осетинские этюды. – Владикавказ, 1992.
34. **Пушкин А.С.** Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. – М., 1975.
35. **Рохлин Д.Г., Цагарейшвили А.В.** Предисловие // Мамукаев Т.Б. Тайна Нузальской часовни. – Владикавказ, 1969.
36. **Русишвили Г.И.** // Цнобис пурцели, 1898. 11 июня.
37. **Сацкидзе Л.Д.** Сабли без ножен (эпическая история Грузии). – Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
38. **Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.** – Тифлис, 1887.
39. **Тогошвили Г.Д.** Избранные труды по кавказоведению: в 2 т. Т. 2. – Владикавказ, 2014.
40. **Тыбылты А.А.** Уацмысты æмбырдгонд. – Цхинвал, 1988.
41. **Хетагуров К.Л.** Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. – М., 1974.
42. **Хетæгкаты Д.Б.** Гоцъи. – Дзæуджыхъæу, 2012.
43. **Хугаев И.С.** Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ, 2010.
44. **Хугаев И.С.** Осетинский Игдрасиль. Замечания к билингвальной концепции осетинской национальной литературы проф. Н.Г. Джусойты // Вестник ВНЦ, 2015. № 5.
45. **Хъодзаты (Кодзати) А.М.** «Мах уыдыстæм фараст æфсымæры...» // Рæстдзинад, 1999. 29 январæ.
46. **Цыбырты (Чибиров) Л.А.** Ирон адæмы фыццаг цырагъдар // Хурзæрин, 2015. 12 февралæ.
47. **Чибиров Л.А.** У истоков осетинского просвещения: Иуане Габараев-Ялгузидзе. – Владикавказ, 2016.
48. **Чичинадзе З.И.** История Осетии по грузинским источникам. – Цхинвал, 1993.
49. **Шаншиашвили С.И.** «Не забывайте и вы, молодые». – Тбилиси, 1977.
50. **Шота Руставели.** Витязь в тигровой шкуре. – Тбилиси, 1979.
51. **Шота Руставели.** Стайы цармдарæг. – Цхинвал, 1975.

⁷ Мы имеем в виду автора поэмы безотносительно его реального имени. Заметим, однако, что сведения о Шота Руставели как реальном человеке подозрительно скудны и противоречивы, что тоже порождает массу вопросов и сомнений относительно действительной истории «Вепхисткаосани».

SHOTA RUSTAVELI, SOSLAN TSARAZON, IUANE GABARATY: ON THE ISSUE OF THE AUTHORSHIP OF «VEPHISTQAOSANI» AND «ALGUZIANI»

M.R. Kazity (Kaziev)

PhD, Assistant Professor of Ossetian literature South Ossetian State University named after A. Tibilov, co-chairman of the Writers' Union of Ossetia.

Abstract. Based on the extensive literary, literary-critical and historical material the issue of the authorship of the famous Georgian-language «Poem of Alguz» (in 1885 for the first time) considers, which has traditionally been attributed to the Ossetian educator Iuane Gabaraty-Yalguzidze (1775–1830). The general comparison of the «Poem about Alguz» and «The Knight in the Panther's Skin» is carried out and the assumption is made that the both were issued from Soslan-David Tsarazon's pen (?–1207).

Keywords: Shota Rustaveli, Iuane Gabaraty-Yalguzidze, Soslan Tsarazon, «Poem of Alguz», «The Knight in the Panther's Skin», Ossetia, Georgia.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Izbrannye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura. – Vladikavkaz, 1990.
2. Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej: v 12 t. – Tiflis, 1866–1904. T. 2. (1802–1806). 1868.
3. Æg»uyzaty Iuane. Razæj dzyrdad // Avtory kollektiv. Iron literaturæ. Hrestomati. 1-ag haj. – Dzæudzhyh»æu, 1982.
4. Baev G.V. Predislovie k Berlinskomu izdaniyu «Poemy ob Alguz» // Poema ob Alguz. – M., 1993.
5. Basili. Zhizn' carya carej Tamar // Kartlis Ckhovreba. – Tbilisi, 1959.
6. Bestauty G.G. Ærvnærd. – Ckhinval, 2003.
7. Bestauty G.G. Alg»uyzy kadæg // Æg»uyzaty Iuane. Æmdzævgætæ, poemæ «Alg»uyzy kadæg» æmæ ændær ærmædzhytæ. – Ckhinval, 1988.
8. Bestauty G.G. Tælmæcægnæægæj // Rustaveli SHota. Stajy carmdaræg. – Ckhinval, 1975.
9. Bestauty G.G. Uacmystæ 3 t. T. 3. – Dzæudzhyh»æu, 2003.
10. Biazirty A. Kæd æmæ kæm ssardæuydi poemæjy k»uhfyst? // Ræstdzinad, 2015. 18 marta.
11. Bulk»aty M.G. Tælmæcæ kænyny h»uyddag – hælar-dzinady hid // Fidiuæg, 1986. № 11.
12. Vyazemskij P.A. Sochineniya: v 2 t. T. 2. – M., 1982.
13. Gaglojti YU.S. Alano-Georgika. – Vladikavkaz, 2007.
14. Gædiaty S.K. Ravzargæ uacmystæ. – Ckhinval, 1979.
15. Gogebashvili YA.S. Vrata prirody. – Tbilisi, 1912.
16. Gruzinskaya Sovetskaya Enciklopediya. – Tbilisi, 1981.
17. Gruzinskie letopiscy i istoriki o YUzhnoj Osetii / Sost. B. CHochiev. – Ckhinval, 2013.
18. Dzhusojty N.G. Balc iron aiv dzyrdy dunemæ. 2 ch. 1-ag ch. – Ckhinval, 2012.
19. Dzhusojty N.G. Fydæly tug. – Ckhinval, 1965.
20. Dzhykkajty SH.F. Udfidar ut. Zyntæn læg h»æuy // Ræstdzinad, 2008. 12 avgusta.
21. Dzidzoev V.D., Dzugaev K.G. Soslan-David Carazon: fakty i gipotezy // Dar'yal, 2007. № 2. http://www.darial-online.ru/2007_2/dzidzoev.shtml
22. Dubrovin N.F. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze: v 2 t. T. 1. – SPb., 1871.
23. Kaloty G. Æg»uyzaty Iuane // Iron literaturæ. Hrestomati: 2 h. 1-ag haj. – Dzæudzhyh»æu, 1982.
24. Poema ob Alguz / Sost. E.E. Hadonov. – M.: Mysl', 1993.
25. Kuznecov F.F. Besedy o literature. – M., 1977.
26. Kartlis Ckhovreba. CH. 1. – Tbilisi, 1955.
27. Lermontov M.YU. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2. – L., 1980.
28. Lolashvili I. Tajna sklepa Davida Soslana. – Tbilisi, 1971.
29. Mamieva I.V. Ivan YAlguzidze (Iuane Gabaraev) – predtecha gorskogo prosvetitel'stva // Vestnik VNC. 2018. № 3. <http://vestnik-vnc.ru/Portals/141/2018-3/vnc-2018-1-04.pdf>
30. Margiev A. Moi vstrechi s Georgiem Davidovichem Togoshvili // Soslan David: pravda zhizni osetinskogo carevicha, muzha i sopravitelya caricy Tamar. – Ckhinval, 2008.
31. Macharadze V. «Opisanie osetinskih dereven'» Davida Eristavi (80-e gody XVIII v.) // Tbilisi, 1967. № 1.
32. Miller V.F. Kritika i bibliografiya // Poema ob Alguz. – M., 1993.
33. Miller V.F. Osetinskie etyudy. – Vladikavkaz, 1992.
34. Pushkin A.S. Sobr. soch.: v 10 t. T. 4. – M., 1975.
35. Rohlin D.G., Cagarejshvili A.V. Predislovie // Mamukaev T.B. Tajna Nuzal'skoj chasovni. – Vladikavkaz, 1969.
36. Rusishvili G.I. // Cnobis purceli, 1898. 11 iyunya.
37. Sanikidze L.D. Sabli bez nozhen (epicheskaya istoriya Gruzii). – Tbilisi, 1976 (na gruz.yaz.).
38. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. – Tiflis, 1887.
39. Togoshvili G.D. Izbrannye trudy po kavkazovedeniyu: v 2 t. T. 2. – Vladikavkaz, 2014.
40. Tybylty A.A. Uacmysty æmbyrdgond. – Ckhinval, 1988.
41. Hetagurov K.L. Sobr. soch.: v 3 t. T. 3. – M., 1974.
42. Hetægkaty D.B. Goc»i. – Dzæudzhyh»æu, 2012.
43. Hugaev I.S. Genezis i razvitie russkoyazychnoj osetinskoj literatury. – Vladikavkaz, 2010.
44. Hugaev I.S. Osetinskij lggdrasil'. Zamechaniya k bilingval'noj koncepcii osetinskoj nacional'noj literatury prof. N.G. Dzhusojty // Vestnik VNC, 2015. № 5.
45. H»odzaty (Kodzati) A.M. «Mah uydystæm farast æfsymæry...» // Rastdzinad, 1999. 29 yanvarya.
46. Cybyrty (CHibirov) L.A. Iron adæmy fyccag cyrag»dar // Hurzærin, 2015. 12 fevralya.
47. CHibirov L.A. U istokov osetinskogo prosveshcheniya: Iuane Gabaraev-YAlguzidze. – Vladikavkaz, 2016.
48. CHichinadze Z.I. Istoriya Osetii po gruzinskim istochnikam. – Ckhinval, 1993.
49. SHanshiashvili S.I. «Ne zabyvajte i vy, molodye». – Tbilisi, 1977.
50. SHota Rustaveli. Vityaz' v tigrovoj shkure. – Tbilisi, 1979.
51. SHota Rustaveli. Stajy carmdaræg. – Ckhinval, 1975.